

Николай Добролюбов

**Постановления о литераторах,
издателях и типографиях**

Николай Александрович Добролюбов

Постановления о литераторах, издателях и типографиях

Этой рецензией Добролюбов, выделяя наиболее характерные статьи цензурного устава, говорит о тяжелых условиях, в которых вынужден был работать журнал.

Содержание

#1	0005
Примечания	0023

**Николай Александрович
Добролюбов
Постановления о
литераторах, издателях и
типографиях**

СПб., 1859

Давно уже замечено одно из качеств, не совсем с хорошей стороны характеризующее нашу публику. Это качество состоит в совершенном равнодушии к познанию тех законов, под которыми мы живем. Юридическое образование распространено у нас так мало, что нередко приходится встречать людей, специально интересующихся какой-нибудь частью и не имеющих понятия о законах, к ней относящихся. Объясняют это тем, что у нас все общественные деятели разделяются на два разряда: одни действуют не своим умом, а по чужому указанию, следовательно, не имеют надобности справляться с законами; другие привыкли в своих действиях руководствоваться произволом и личными соображениями, более или менее посторонними закону, следовательно, в законных соображениях тоже мало имеют нужды. Но если мы и примем в известной мере справедливость этого объяснения, все-таки мы не вполне еще объясним вопрос. Объяснение это может относиться только к лицам служащим. Но не надо забывать, что большинство населения в государстве составляют не те, *которые при-*

меняют законы, а те, с *которыми* по законам поступают. Эти-то последние почему же не интересуются законами? Или и они держатся того мнения, что закон ничего не значит, а[1] главное дело – воля исполнителей, по пословице: «Не бойся суда, а бойся судьи»?.. Но ведь такое мнение не должно бы существовать в благоустроенном обществе. Если же оно существует, то общество само же должно позаботиться о том, чтобы уничтожить его. Но как уничтожить?..

«Самое верное, самое действительное средство – литература», – кричат в последнее время. Мы бы согласились с этим, если бы заметили в кричащих более серьезное изучение условий и принадлежностей литературной деятельности в нашем обществе. А то ведь и в отношении к литературе у нас существует то же совершенное юридическое неведение, как и о множестве других предметов. Говорят о литературе, восхищаются ее успехами, бранят ее, и все это так, по капризу, с ветру; никто не хочет заняться серьезным изучением предмета, вникнуть в сущность его, никто не любопытствует даже заглянуть в законы, ко-

торыми литература ограждается! А все кричат на разные лады – то уж очень неблагоприятно для литераторов и журналистов, то чересчур уж лестно для общего развития и громадного влияния литературы. Кто сам пишет – а кто же теперь не пишет? – тот большею частью смотрит несколько мрачно: зачем его статья не напечатана? Зачем долго не помещается? Отчего не в том виде явилась она в свет, как он желал? Я, говорит, изложил лучшие свои соображения, самые заветные мои думы именно в этих строках; а их-то и нет в напечатанной статье. Вы, говорит, варвары, вы губители авторских талантов и благородных стремлений, и пр.[2] и пр. Другие, напротив, ужасно довольны современной литературой: какие вопросы поднимаются, какие благородные мысли высказываются, как расширился круг действия литературы, какое влияние имеет она на исправление существующих недостатков, на принятие новых мер для общественного устройства, и т. д. и т. д. И все это говорится большею частью понаслышке, без серьезного вникания в дело, потому что кричат ныне о литературе даже та-

кие господа, которые ничему не учились и ничего не читали. Иной выписывает журналы только для того, чтоб иметь удовольствие каждый месяц бранить издателей за то, что журналы поздно выходят. «Нет никакой возможности выписывать: небрежно ведут дело, чуть не месяцем всегда опаздывают!.. Опаздывают, опаздывают!..» – кричит он – и более знать ничего не хочет... А другой считает обязанностью восхищаться тем, что много новых журналов появляется, и готов ожидать от этого чуть не государственного переворота...[3] Разноголосица страшная, и никто не хочет уяснить себе дело серьезным изучением тех незыблемых оснований, без которых у нас не может существовать никакая литературная деятельность. Постыдное равнодушие к изучению законов обнаруживается и здесь во всей своей силе...

При таком положении дел истинным благодеянием может служить книжечка «Постановления о литераторах и пр.». Она составляет не что иное, как извлечение важнейших правил из Цензурного устава и дополнительных к нему постановлений, вошедших в *пер-*

вое продолжение «Свода законов». Такое извлечение чрезвычайно облегчает знакомство с цензурными постановлениями, если кто захочет узнать их существенные основания. Не всякому захочется, да и не всем удобно рыться в «Своде законов» и в его продолжениях, чтобы изучить все подробности узаконений, относящихся к литературе. А здесь, в маленькой книжечке, предлагаются публике главные статьи этих узаконений, вполне достаточные для того, чтобы ознакомиться с характером нашей цензуры. Конечно, в делах человеческих никогда не бывает полного соответствия с идеалом, и потому знание того, что *должно* делаться, еще не вполне соответствует наглядному познанию того, что *делается*. Но во всяком случае – то, что делается, не находя себе оправдания в законе, есть только случайное отклонение, истинный же характер известной деятельности всегда более или менее определяется законодательством. Вот почему издание книжки «Постановления о литераторах» мы считаем очень важным и полезным для распространения в публике истинных понятий о настоящих условиях на-

шей литературной деятельности.

Желая по возможности содействовать распространению этих понятий, мы представим здесь извлечение некоторых правил, напечатанных в книжке, относительно цензурных условий напечатания статей и книг.

По общему цензурному правилу, дозволяются к печатанию «книги и статьи всякого рода, на всех языках», равно как «эстампы, рисунки, чертежи, планы, карты, а также и ноты с присовокуплением слов»; могут быть они запрещены только в следующих случаях (§ 3):

Когда в оных содержится что-либо клонящееся к поколебанию учения православной церкви, ее преданий и обрядов или вообще истин и догматов христианской веры.

Когда в оных содержится что-либо нарушающее неприкосновенность верховной самодержавной власти, или уважение к императорскому дому, и что-либо противное коренным государственным постановлениям.

Когда в оных оскорбляются добрые нравы и благопристойность; и

Когда в оных оскорбляется честь како-го-либо лица непристойными выражениями или предосудительным обнаружением того, что относится до его нравственности или домашней жизни, а тем более клеветою.

Руководствуясь этими правилами, цензура «обращает особенное внимание на видимую цель и намерение автора и в суждениях своих принимает всегда за основание явный смысл речи, не позволяя себе произвольного толкования оной в дурную сторону». Ограждая этим благонамеренных авторов, Устав цензурный дает им еще более льготы, даже на случай неясности или неловкости их выражений: в статье 7-й постановлено, что «цензура не делает привязки к словам и отдельным выражениям»; а в статье 91-й – что «цензор, не имея права переменять что-либо в представляемых на его рассмотрение рукописях и печатных книгах, тем еще менее может прибавлять к оным от себя какие-либо примечания или толкования». Отметивши красным карандашом запрещаемое место, цензор должен возвратить рукопись автору

или издателю – для перемен; впрочем, для сокращения времени, особенно в срочных изданиях, автор или издатель «может вверить и самому цензору исправление замеченных им мест, по его усмотрению».

Для того чтобы еще определеннее показать цензору, что он может пропускать, Цензурный устав дает еще, в дополнение к общим, следующие частные правила:

Цензура обязана отличать благонамеренные суждения и умозрения, основанные на познании бога, человека и природы, от дерзких и буйственных мудрствований, равно противных истинной вере и истинному любопытству (§ 6).

В рассматривании сочинений исторических и политических цензура ограждает неприкосновенность верховной власти, строго наблюдая, чтобы в оных не содержалось ничего оскорбительного как для российского правительства, так и для правительств, состоящих в дружественных с Россией сношениях. Равно наблюдает цензура, чтобы на издание всякого сочинения, в коем описывается событие, относящееся

еся до его императорского величества и августейшей фамилии, и при сообщении в газетах и журналах известий об особе императорского величества и членах императорской фамилии, о придворных торжествах и съездах, было испрошено высочайшее разрешение чрез министра императорского двора; из сего правила исключены только известия о приезде и отъезде членов императорской фамилии, для коих сего разрешения не требуется. При сем, кроме статей, помещенных в газетах и журналах о государе императоре и членах августейшей фамилии, о придворных торжествах и съездах, доставляются цензурными комитетами на рассмотрение министра двора только выписки из книг тех мест, в коих описывается какое-либо событие или рассказывается анекдот, до сих августейших особ относящийся. – Дозволяется выпуск изданий с скопированными почерками рук и подписями особ императорской фамилии, в бозе почивающих, но сие дозволение не распространяется на подписи и почерки августейших особ здравствующих.

В отношении к научным сведениям дозволяется «всякое общее описание или сведение касательно истории, географии и статистики России, если только изложено с приличием и без нарушения общих цензурных правил», только запрещается чиновникам обнародовать дела и сведения, вверенные им по службе. Также допускаются к печати «все описания происшествий и дел и собственные о них рассуждения автора, если только сии описания и рассуждения не противны общим цензурным правилам»; можно печатать также всякие документы и записки, «если только они согласны с общими правилами и не содержат в себе изложения дел тяжёбных и уголовных».

Вообще рассуждениям и описаниям авторов дается по Цензурному уставу весьма значительный простор касательно всех «предметов, относящихся к наукам, словесности и искусствам». Дозволяется рассуждать – и о вновь выходящих книгах, и о представлениях на публичных театрах, и о других зрелищах, и о новых общественных зданиях, и об улучшениях по части народного просвещения,

земледелия, фабрик и т. п. – если только сии рассуждения не противны общим правилам цензуры. Запрещается же говорить только «о потребностях и средствах к улучшению какой-либо отрасли государственного хозяйства в империи, когда под средствами разумеются меры, зависящие от правительства, и вообще суждения о современных правительственных мерах» (§ 10, Цензурный устав, статья 12).

Полагая столь умеренные и благоразумные правила, Цензурный устав делает оговорку, дающую авторам еще более возможности сохранить свою литературную самостоятельность: по статье 15-й Цензурного устава цензор не должен входить в разбор частных мнений писателя, если только они не противны общим правилам цензуры, и не имеет права исправлять слог автора, если только явный смысл речи не подлежит запрещению (§ 13).

Но всего более дается свободы повествователям и вообще беллетристам. По статье 13-й «в вымыслах не требуется той строгой точности, каковая свойственна описанию предметов высоких и сочинениям важным». По статье же 14-й «цензура, охраняя личную честь

каждого от оскорблений и подробности домашней жизни от нескромного и предосудительного обнародования, не препятствует, однако же, печатанию сочинений, в коих под общими чертами осмеиваются пороки и слабости, свойственные людям в разных возрастах, званиях и обстоятельствах жизни» (§ 12).

Для того чтобы каждое вновь выходящее сочинение подвергалось, кроме общей цензуры, еще суждению людей, специально знакомых с делом, о котором идет речь в сочинении, в последнее время постановлено, чтобы все книги и статьи, имеющие отношение к административной, законодательной или финансовой деятельности, поступали на рассмотрение тех ведомств, к которым они, по предмету своему, относятся. Постановление это приведено в § 29 «Постановлений», из 42-й статьи Цензурного устава, по первому продолжению, в таком виде:

Сочинения по части законодательства, теоретического или исторического содержания, или заключающие в себе собственные рассуждения самих авторов, рассматриваются в общей

цензуре. Те из сих сочинений, в которых теория законодательства или финансовой и административной науки применяется автором к существующим собственно у нас учреждениям, когда они, по содержанию 41-й статьи, не подлежат рассмотрению Второго отделения собственной его императорского величества канцелярии, предварительно рассмотрения их в общей цензуре, препровождаются сею последнею в те правительственные места и учреждения, до которых сии сочинения по предмету своему относятся, а именно к доверенным чиновникам, назначенным для непосредственных по сему предмету сношений с С.-Петербургским цензурным комитетом, цензорами и редакциями периодических изданий в С.-Петербурге. Сии доверенные чиновники назначаются от министерств: императорского двора, военного, морского, внутренних дел, финансов, государственных имуществ, юстиции, главного управления путей сообщения и публичных зданий, главного штаба его императорского величества по военно-учебным заведениям и

Третьего отделения собственной его императорского величества канцелярии. Доверенные от министерств и главных управлений чиновники, состоя в непосредственных сношениях с цензорами и редакциями периодических изданий в С.-Петербурге, получают прямо от них подлежащие их рассмотрению сочинения и статьи и, по рассмотрении, возвращают оные со своими отзывами; в случае же сомнения испрашивают разрешения своего главного начальства для передачи оного цензуре или редакции. Сии отзывы принимаются цензурою за главное к заключению своему основание при окончательном рассмотрении сочинений; в случае же каких-либо сомнений цензурный комитет испрашивает разрешения главного управления цензуры. Цензурные учреждения ведомства министерства народного просвещения, находящиеся не в С.-Петербурге, представляют сочинения и статьи, подлежащие заключению посторонних ведомств, министру народного просвещения, по распоряжению которого сии статьи передаются доверенным от

министерств и главных управлений чиновникам, и заключения сих последних или надписи на сочинениях, ими сделанные, сообщаются цензурным учреждениям, по принадлежности, которые затем поступают порядком, предписанным для С.-Петербургского цензурного комитета. На разрешение главного управления цензуры представляются цензурными комитетами все сомнения, встречаемые ими при окончательном рассмотрении сочинений. Если главное управление цензуры не согласится с заключением стороннего ведомства, то разногласие представляется министром народного просвещения, вместе с мнением подлежащего министра или главноуправляющего, на высочайшее разрешение.

Таким образом, все выходящие в России сочинения вполне гарантируются не только от всяких богохульных и противозаконных мыслей, но даже и от всяких рассуждений, могущих быть вредными для порядка или оскорбительными для тех мест и лиц, к которым сочинение относится.

Впрочем, так как подобное рассмотрение всякого сочинения, особенно трактующего о предметах сложных, отнимает много времени и может задерживать издание в свет книги или статьи, то Цензурный устав делает в некоторых случаях значительное снисхождение авторам. Так, например, «книги медицинские и ветеринарные, наравне с прочими, до наук относящимися, рассматриваются общею цензурою»; в медицинскую же цензуру отправляются только те из них, «которые содержат в себе лечебные наставления или правила для составления лекарств с приложением к болезням» (§ 30). Точно так же – могут не подвергаться цензуре духовной «книги, относящиеся к нравственности вообще, даже и те, в коих рассуждения будут подкрепляемы ссылкой на священное писание»; духовной же цензуре подвергаются из них только некоторые «места совершенно духовного содержания» (§ 25).

Постановляя правила, ограждающие общество от беспорядочной и произвольной литературной деятельности, не соответствующей видам правительства, закон определяет и на-

казание за их нарушение. По различным статьям Цензурного устава преступившие его правила подвергаются наказаниям, смотря по важности преступления, начиная от трехдневного ареста и доходя до наказания плетьюми и ссылки в каторжную работу на десять – двенадцать лет (см. §§ 54–64).[4] Наказаниям этим подвергаются равно как авторы предосудительных статей, так и редакторы журналов, издатели книг и содержатели типографий.

Таковы главнейшие из действующих ныне постановлений о литераторах, издателях и содержателях типографий! Многие из любопытных подробностей, изображающих порядок и ход дел в цензурных комитетах, мы предоставляем любознательным читателям найти в самых «Постановлениях». Вообще с этой книжкой не мешает познакомиться многим, интересующимся литературою. А то у нас так много есть людей, которые толкуют о высокой важности литературы, о ее значении для общества, о ее влиянии на разные отрасли государственной деятельности и государственного хозяйства и пр., а сами между тем не хо-

тят ознакомиться даже с узаконениями, под влиянием которых существовала и существует доселе наша литературная деятельность. Такое легкомыслие и равнодушие непростительно!

Примечания

Впервые – «Совр.», 1859, № 8, отд. III, стр. 255–262, без подписи. Вошло в изд. 1862 г., т. III, стр. 151–157, с восстановлением цензурных изъятий.

Этой рецензией Добролюбов, выделяя наиболее характерные статьи цензурного устава, говорит о тяжелых условиях, в которых вынужден был работать журнал.

Комментарии

1

Слова «Закон ничего не значит, а» в «Современнике» отсутствуют.

[^^^]

Слов «Вы, говорит, варвары, вы губители авторских талантов и благородных стремлений, и пр.» в «Современнике» не было.

[^^^]

Вместо слов «чуть не государственного переворота» в «Современнике» было «коренных улучшений».

[^^^]

4

В этих статьях речь идет про «богохуление», «поношение святых», «порицание христианской веры или церкви православной», «ругательства над священным писанием», попытки «возбудить неуважение к верховной власти, или же к личным качествам государя, или к управлению его государством», «недозволенные суждения о действиях правительства» и пр.

[^^^]